

RU

«Союз золота и насилия» в «Сказке об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886): историко-литературный генезис

Сизова И. И.

Аннотация. Целью исследования является раскрытие историко-литературного генезиса смысловых аллегорий «Сказки об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886), связанных с военной и экономической темами. В статье подводятся некоторые итоги изучения художественных идей Толстого 1880-х гг. на примере «Сказки об Иване-дураке...» («царства» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана»). Проблематика литературной сказки сравнивается с дневником, эпистолярным, художественными, религиозно-философскими и публицистическими сочинениями Толстого 1880-1900-х гг. («Записки христианина», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «Николай Палкин», «Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа “Общественные задачи”»); выявляется художественная рецепция в творчестве «позднего» Толстого идей его современника, североамериканского публициста и экономиста Г. Джорджа («Прогресс и бедность», «Общественные задачи»). Научная новизна работы заключается в широком соотношении содержания «Сказки об Иване-дураке...» с содержанием других произведений Толстого и сочинений иных авторов (Т. Мор, М. Ф. А. Вольтер, Г. Джордж), в выявлении зависимости проблематики «Сказки об Иване-дураке...» от субъективных особенностей Толстого-читателя, осмыслившего характер эпох, национальных культур и социально-исторических предпосылок формирования государственных форм; во впервые завершённой реконструкции истории текста «Сказки об Иване-дураке...» по неопубликованным рукописям. В результате исследования установлены узловые константы идеи Толстого о ненасилии в военном («царство Семена-воина») и в экономическом («царство Тараса-брюхана») контекстах; классифицированы гуманистические принципы политэкономии Г. Джорджа и публицистики Толстого.

EN

“The union of gold and violence” in Leo Tolstoy’s “The Tale of Ivan the Fool...” (1885-1886): A historical-literary genesis

I. I. Sizova

Abstract. The research aims to uncover the historical-literary genesis of semantic allegories in Leo Tolstoy’s “The Tale of Ivan the Fool...” (1885-1886) related to military and economic themes. The article summarizes the exploration of Tolstoy’s artistic ideas of the 1880s, using “The Tale of Ivan the Fool...” (“the kingdoms” of “Semen the Warrior” and “Taras the Stout”) as a case study. The problematic of the literary tale is compared with Tolstoy’s diaries, letters, artistic, religious-philosophical, and journalistic works of the 1880s-1900s (“Notes of a Christian”, “What I Believe”, “What Is to Be Done?”, “Nikolay Palkin”, A Preface to the Russian translation of Henry George’s “Progress and Poverty”), revealing the artistic reception in the late Tolstoy’s work of the ideas of his contemporary, the North American publicist and economist Henry George (“Progress and Poverty”, “Social Problems”). The research is original in that it presents the broad correlation of the content of “The Tale of Ivan the Fool...” with other works by Tolstoy and writings by other authors (Thomas More, Voltaire, Henry George). The originality of the research also lies in identifying the dependence of the problematic of “The Tale of Ivan the Fool...” on the subjective characteristics of Tolstoy the reader, who contemplated the nature of eras, national cultures, and socio-historical prerequisites for the formation of state forms. In addition, the article is the first to provide a complete reconstruction of the history behind the text of “The Tale of Ivan the Fool...” based on unpublished manuscripts. The research established the key constants of Tolstoy’s idea of non-violence in military (“the kingdom of Semen the Warrior”) and economic (“the kingdom of Taras the Stout”) contexts; and classified the humanistic principles of Henry George’s political economy and Tolstoy’s journalist writings.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена рядом нерешенных проблем в изучении истории текста, идейно-тематического и жанрового своеобразия «Сказки об Иване-дураке и его двух братьях: Семена-воине и Тараса-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» Л. Н. Толстого (1885-1886). В текстологических изысканиях важен вопрос о рукописных редакциях этого произведения (Срезневский, 1937; Зайденшнур, 1963; Сизова, 2023). При анализе жанровой и идейно-тематической специфики этого замысла Толстого ученые выявляли его жанровую природу, отталкиваясь от фольклорной или литературной основы; было обосновано жанровое многоголосие (синкретизм) «Сказки об Иване-дураке...», проявившееся в близости ее содержания проблематике философской повести, социальной утопии и народной сказки (Сизова, 2024).

Большое внимание на современном этапе уделяется жанровой поэтике «народных рассказов» при опосредованной ее связи с идеологией Толстого; в «Сказке об Иване-дураке» подробно рассматриваются такие поэтические особенности, как волшебные трансформации образов, хронологические измерения, притчевая архитектура (Сат, 2007, с. 20-21), типы сравнительных конструкций (Абдусаламова, 2016, с. 46, 49, 63), сказочно-фольклорные формы лубка (Шустов, 2003, с. 27).

Наиболее сложны в понимании идейно-тематического своеобразия произведения смысловые аллегории Толстого о «царствах» трех братьев («Семена-воина», «Тараса-брюхана» и «Ивана-дурака») и о теории «разделения труда» (эпизод «Господин чистый на каланче»). Исследователи справедливо полагали, что в «Сказке об Иване-дураке...» писатель ставил не столько художественные, сколько идеологические задачи, сохраняя при этом атрибуты внешней стилизации жанра народной сказки (Лученецкая-Бурдина, 2002, с. 211), что как моралист в этом авторском замысле он развивал идею опрощения, ставил вопросы о началах добра и зла, о «грехе» сопротивления злу силой (Этика, 2006, с. 269-270), предлагал способы преодоления невзгод и достижения счастливой жизни в государстве, по сути своей иллюзорные (Полнова, 2018, с. 35).

В настоящей статье будут подробно рассмотрены аллегории «царств» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана». Применительно к этим аллегориям в научной литературе отмечена в общих чертах связь антивоенных «сказочных сюжетов» («Сказка об Иване-дураке...», «Работник Емельян и пустой барабан»), было заявлено о близости «Сказки об Иване-дураке...» философской «Сказке» о «дюлях» и социальному трактату «Так что же нам делать?» (Зайденшнур, 1963; 1979). При этом не был выявлен историко-литературный генезис гуманистических принципов Толстого, повлиявших на решение историософских, общественных и экономических вопросов в этих произведениях, а именно на постановку автором проблемы насилия в контексте войн, товарно-денежных отношений и частной собственности.

В свое время В. Ф. Асмус справедливо отмечал: «Проблема насилия, вопрос об источниках его возникновения, о его формах, о его значении в общественной жизни, о его действии на нравственную жизнь, о его правомерности или неправомерности, целесообразности или нецелесообразности – всегда была одной из центральных в мировоззрении Толстого» (1968, с. 485). Уточним: обращаясь к проблемам насилия и его оправдания, пацифизма и милитаризма, современные исследователи не связывали решение Толстым этих вопросов со «Сказкой об Иване-дураке...» (Костанян, 2020; Гусейнов, 2020, с. 441-442; Горелов, 2017, с. 132).

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи:

- продолжить реконструкцию истории текста «Сказки об Иване-дураке...» по рукописям произведения (аллегии о «царствах» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана»);
- выявить историко-литературный генезис аллегории о «царстве Семена-воина» в «Сказке об Иване-дураке...» в соотношении с этическим учением Толстого о ненасилии, развитом в дневниках, религиозно-философских и публицистических сочинениях Толстого 1880-х гг. (осуждение писателем войн, рекрутства и воинской повинности, жестокости правителей в русской истории);
- раскрыть историко-литературный генезис аллегории о «царстве Тараса-брюхана» в «Сказке об Иване-дураке...» в сравнении с критикой писателя товарно-денежных отношений, налоговой системы обществ, частной собственности, разработанной в трактате «Так что же нам делать?»; определить происхождение метафоры «брюхан» в авторской характеристике Тараса из «Сказки об Иване-дураке...» в художественном творчестве Толстого 1880-х гг. («Записки христианина»);
- охарактеризовать особенности художественной рецепции в «Сказке об Иване-дураке...» (как вероятный литературный источник аллегории о «царстве Тараса-брюхана») и в трактате «Так что же нам делать?» идей современника Толстого, североамериканского публициста и экономиста Генри Джорджа (1839-1897), систематизировав отзывы Толстого на сочинения «Прогресс и бедность» (1879) и «Общественные задачи» (1884).

Материалом для исследования послужили художественные произведения Л. Н. Толстого 1880-х гг. – «Записки христианина», рукописи и печатный текст «Сказки об Иване-дураке...», а также его дневники, записные книжки и эпистолярное наследие, публицистические и религиозно-философские сочинения 1880-1900-х гг. по следующим источникам:

- «Записки христианина» (1881, 1883): Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1952. Т. 49. «Записки христианина». Дневники и записные книжки 1881-1887 гг.

- «Сказка об Иване-дураке...» (1885-1886): Отдел рукописей государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 1-7); Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25. Произведения 1880-х гг.

- Дневники и записные книжки Л. Н. Толстого 1880-х гг.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1952. Т. 49. «Записки христианина». Дневники и записные книжки 1881-1887 гг.

- Переписка Л. Н. Толстого с С. А. Толстой, П. И. Бирюковым, В. Г. Чертковым, Н. Н. Страховым, Т. М. Бондаревым 1880-1890-х гг.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1934. Т. 63. Письма 1880-1886 гг.; 1935. Т. 85. Письма к В. Г. Черткову. 1883-1886 гг.; 1938. Т. 83. Письма к С. А. Толстой. 1862-1886 гг.; 1955. Т. 67. Письма 1894 г.

- Публицистика Л. Н. Толстого 1880-х гг. и 1900-х гг. – «Так что же нам делать?» (1882, 1884-1886), «Николай Палкин» (1886-1888), «Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа “Общественные задачи”» (1906-1907): Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25. Произведения 1880-х гг.; 1936. Т. 26. Произведения 1885-1889 гг.; Джордж Г. Общественные задачи / пер. с англ. С. Д. Николаева, предисл. Л. Н. Толстого. М.: Посредник, 1907.

- Религиозно-философские сочинения Л. Н. Толстого 1880-х гг. – «В чем моя вера?» (1882): Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1957. Т. 23. Произведения 1879-1884 гг.

К анализу также были привлечены произведения Г. Джорджа по таким источникам:

- Джордж Г. Общественные задачи / пер. с англ. С. Д. Николаева, предисл. Л. Н. Толстого. М.: Посредник, 1907.

- Джордж Г. Прогресс и бедность. М.: Генри Джордж Фондейшен, 1992.

Теоретическую базу исследования составили научные работы о связи «Сказки об Иване-дураке...» с трактатом «Так что же нам делать?» (Зайденшнур, 1963; 1979), об идейно-тематическом и жанровом своеобразии произведения (Арденс, 1962, с. 413-415; Гусев, 1970, с. 464-465; Бирюков, 2000, с. 35; Сат, 2007), об истории текста и поэтике «Сказки об Иване-дураке...» (Срезневский, 1937; Зайденшнур, 1963; Шустов, 2003; Абдусаломова, 2016). Мы также опирались на труды по текстологии (Лихачев, 2006), о философских, этических основах мировоззрения Толстого и о литературном контексте его прозы 1870-1890-х гг. (Асмус, 1968; Лученецкая-Бурдина, 2002; Этика, 2006; Горелов, 2017; Полнова, 2018; Костанян, 2020; Гусейнов, 2020), о сходстве и различии политических и экономических воззрений Толстого и Г. Джорджа (Заславский, 1939; Алексеева, 2010) и по теории литературы (Эстетика, 1989; Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2002).

В статье применен системный подход к изучению историко-литературного генезиса «Сказки об Иване-дураке...», позволяющий рассмотреть в художественном единстве литературной сказки множественность, структурность и иерархичность смысловых аллегорий автора («царства» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана»), выявить прямые и обратные связи этого произведения Толстого (военная и экономическая темы) с его художественными, религиозно-философскими и публицистическими сочинениями, дневниковыми заметками и письмами 1880-1900-х гг. (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2002, с. 29). В рамках указанного подхода было определено отношение трактата «Так что же нам делать?» и «Сказки об Иване-дураке...» к такой области культуры, как общественная мысль (политэкономия Г. Джорджа), и к исторической действительности (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2002, с. 30-31).

В работе указываем архивную нумерацию неопубликованных рукописей «Сказки об Иване-дураке...» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 1-7) как наиболее достоверную. В квадратных скобках приводим фразы, вычеркнутые Толстым, в угловых скобках раскрываем его сокращения и дополняем фрагменты текста, которые не были им дописаны.

Практическая значимость статьи заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при формировании научного аппарата Полного собрания сочинений Толстого в 100 томах (художественные произведения в 18 томах), в вузовских курсах по истории русской литературы, по философии, текстологии, при составлении учебных пособий.

Обсуждение и результаты

В творческой лаборатории 1880-х гг. Л. Н. Толстой двояко использовал принцип *аллегории*: как вид художественного осмысления действительности и как способ организации материала, выражая свои политические, религиозные, этические и историософские идеи наглядными образами или символами (Эстетика, 1989, с. 11). В «Сказке об Иване-дураке...» символическое значение получают художественные идеи автора. Их многоуровневый историко-литературный генезис восходит к фольклору, античному и классическому искусству, философии, религии, политэкономии.

Поэтому изучение на современном этапе художественных идей «Сказки об Иване-дураке...» опирается на широкий круг новых (в сравнении с научным заделом предшественников) фактов: они почерпнуты из упоминаний исторических событий, биографических обстоятельств в письмах, дневниках, рукописях, печатном тексте, а также из пересечения содержания «Сказки об Иване-дураке...» с содержанием других произведений Толстого и сочинений иных авторов – Т. Мора, М. Ф. А. Вольтера, Г. Джорджа (Лихачев, 2006, с. 82).

Как признавался Толстой своему биографу П. И. Бирюкову, в «Симеоне-воине и его царстве» сделаны «меткие художественно-критические намеки на развитие милитаризма в царстве Николая I» (Бирюков, 2000, с. 35). Другой биограф писателя, Н. Н. Гусев (1970, с. 464), рассматривал аллгорию «царства Семена-воина» более широко и не ограничивал ее временем Николая I. По нашему наблюдению, именно с личностью и государственной политикой Николая I (1796-1855), с изощренной жестокостью наводившего в империи «порядок»

шпицрутенами, связано у Толстого осмысление тем солдатства, насилия, жестокости власти в русской истории, отразившееся в дневниковых записях, в религиозно-философских и публицистических сочинениях 1880-х гг. – в трактатах «В чем моря вера?» (1882-1884), «Так что же нам делать?» (1882, 1884-1886) и в незавершенной статье «Николай Палкин» (1886-1888).

Эти рассуждения писателя художественно иллюстрирует военная тема «Сказки об Иване-дураке...»; о ее разработке автором в ранних рукописях (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 1, 2, 7) мы писали подробно ранее (Сизова, 2023, с. 417, 418, 421). Нами также было отмечено, что идея Толстого о ненасилии, его противодействие военной политике государств и правящих «элит», которые транслируют «Сказку об Иване-дураке...» и статья «Одумайтесь!» (1904), близки пацифистским воззрениям Мари Франсуа Аруэ Вольтера (1694-1778) в повести «Микромегас» (1752) (Сизова, 2024, с. 342, 345). В этой связи повесть «Микромегас» является одним из литературных источников военной темы сказки Толстого.

Заметки о тяжелой участи солдат и телесных наказаниях в армии уже встречаются в записной книжке писателя за 1881 г. 19 апреля: «Все пропащие люди – солдаты» (Толстой, 1952, т. 49, с. 26). 1 мая: «Солдат старый, из кантонистов, портной: “Бог привел двух расстрелять”. – “Значит, закон есть”. “Прежде засекали насмерть, а теперь нельзя. Такой закон нашли» (Толстой, 1952, т. 49, с. 30). 24 мая: «Иван Иванович Рычагов, боцманма<т>, ранен в плечо в 29 году, в ногу под Севастополем. Теперь хромает. 76 лет. Пошло их 15 партий из Тульской губернии по 500 чел<овек>, а вернулось 40 чел<овек>. – Пороли на пушке линьками по 500. На мачте в 35 сажен» (Толстой, 1952, т. 49, с. 39).

О недопустимости укоренения в обществе насилия Толстой рассуждал в трактате «В чем моря вера?». Писатель сожалел о том, что вся жизнь людей «установлена» на насилии, что «каждая радость» «добывается» и «ограждается» насилием, что «каждый из нас» бывает «наказываемым» или «наказывающим» «с детства и до глубокой старости» (Толстой, 1957, т. 23, с. 369). Толстой находил опасным, что в обществе насаждалось соображение о высоких обязательствах военной службы, о присяге как о «прекрасном» и «законном» событии вопреки тому, что человеческая жизнь являлась абсолютной ценностью и «самым драгоценным», что есть у человека. Толстой-гуманист предостерегал от развязывания государственными, дипломатическими и военными деятелями в корыстных целях, но «под видом любви к Отечеству» «народных ненавистей»: «...воевать, т. е. убивать чужих, незнакомых людей без всякого повода есть самое ужасное злодеяние, до которого может прийти только заблудший и развращенный человек, упавший до степени животного» (1957, т. 23, с. 369-370).

С трактатом «В чем моря вера?» «Сказку об Иване-дураке...» объединяет помимо темы насилия критика обязательной военной службы. Так, в копии А. П. Иванова, над которой Толстой работал во второй половине октября 1885 г. (см. его письмо к П. И. Бирюкову от 19-20 (?) октября 1885 г. (Толстой, 1934, т. 63, с. 296)), писатель расширил свои доводы против воинской повинности солдат. Был сделан акцент на жестокости войн в истории человечества на примере изображения ведения боевых действий в «царствах» Семена и его врагов-«царей» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 19, 21). Вопрос о воинской повинности сохранил для Толстого актуальность в кульминационной части произведения, в описании испытания Ивана «старым дьяволом» сначала солдатами, а затем деньгами (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 25, 26). Описание испытания солдатами было переписано и поправлено дважды (!). Были внесены важные для понимания гуманистических убеждений автора фразы о том, как дураки «уперлись» и не пошли в солдаты: «На войне, говорят, тоже до смерти убивают солдат. Пускай уж лучше дома смерти предадут» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 12). Подробно проработан разговор Ивана с дураками, где развит мотив отказа от военной службы у «воеводы» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 12 об.).

В следующей по счету копии А. П. Иванова и двух других помощников писателя (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4), над которой тоже шла работа во второй половине октября 1885 г., Толстой вводит этическую оценку действий персонажей. Изображение военного могущества «Семена-воина» гротескно заострил новой смысловой нюанс, мотив страха. Семен перестал воевать, держал солдат только для устрашения соседей, чтобы все его боялись (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 18). Гиперболическое сочетание реальности и фантастического мира оттенило изображение падения «царства» Семена. «Индийский царь» учел все «выдумки» Семена да еще и свои «выдумал» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 21 об.). Появились футуристические зарисовки полетов воинов по воздуху и разрывных бомб (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 22). Толстой выделил нравственный аспект в действиях солдат «индийского царя», которые по его указу разоряют дураков «из страха». Если в первоначальном тексте копии рассказчик просто констатирует факт: «Не пошли дальше солдаты...», то в верхнем слое авторской правки солдаты нравственно оценивают свои злодеяния: «Гнусно стало солдатам...» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 26 об.).

Наборная рукопись для 12-й части «Сочинений графа Л. Н. Толстого», которую Толстой правил в первой декаде ноября 1885 г. (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 5), хранит следы цензурных вмешательств в текст сказки. Так, карандашом обведен фрагмент о рекрутском наборе в «царстве» «Семена-царя», отмечены места с резко обличительными описаниями. «Умный» «воевода» «научает» брата Ивана тому, как «[другое царство завоевать]» или «как сильнее войско собрать» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 18 об.): «Надо, говорит, всех молодых без разбора забрить, – они тебе воевать будут; а бабы молодые про тебя останутся» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 19). Усеченным фразеологизмом («забрить») передана историческая подробность: когда рекрутов отдавали в солдаты, новобранцу, идущему в армию, брили переднюю часть головы.

Политический и экономический анархизм Толстого, воплотившийся в трактате «Так что же нам делать?» и в литературной «Сказке об Иване-дураке...», гуманистичен. Писатель отказывается принять исторические формы государственности, которые служат сильным и оберегают рабство. В сказке эти формы показаны как слияние военной мощи и капитала (гл. VII): «Семен и говорит: – Давай вот что сделаем. Ты мне денег дай –

солдат кормить, а я тебе половину царства с солдатами отдам – твои деньги караулить. Согласился Тарас. Поделались братья, и стали оба царями и оба богаты» (Толстой, 1937, т. 25, с. 127). Размышляя в трактате о способах порабощения людей в истории (гл. XX), Толстой останавливается на таком их порядке: порабощение мечом (войны, которые исполняют требования сильного); порабощение голодом, когда сильный, «отобрав запасы и охраняя их мечом, заставляет слабого отдаваться в работу за корм»; «способ дани» денежными знаками, чтобы приобрести деньги, рабы обязаны продать сильным запасы хлеба и «предметы первых потребностей» (1937, т. 25, с. 272, 275, 276).

Аллегория «царства Семена-воина», батальные сцены сказки, когда воины «тараканского царя» нападают на беззащитных Ивана и его «дураков», получили историософское обобщение в незавершенной статье «Николай Палкин». В апреле 1886 г., отправившись пешком из Москвы в Ясную Поляну вместе с Н. Н. Ге (сыном) и М. А. Стаховичем, Толстой встретился по дороге с 95-летним солдатом, служившим при царях Александре и Николае Павловичах. Солдаты прозвали Николая I за жестокость и телесные наказания «Николаем Палкиным»: «Тогда на 50 палок и порток не снимали, а 150, 200, 300... насмерть запарывали» (Толстой, 1936, т. 26, с. 555). Писатель создал историческую панораму «о жестокостях человека в русской истории, о жестокостях этого христианского кроткого, доброго русского человека» (Толстой, 1936, т. 26, с. 563), объединил темой насилия царствования Ивана Грозного, Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы, Екатерины II, «отцеубийцы» Александра I с «аракчеевщиной» и «Николая Палкина». Толстой пришел к выводу о том, что «мучительство и убийство людей для пользы людей», которое «противно воле Бога», преобладающе в русской истории, и призвал к нравственной переоценке злодеяний прошлого и настоящего, к преобразованию общественного сознания: «Если мы только назовем настоящим именем костры, клейма, пытки, плахи, служивых людей стрельцов, рекрутские наборы, то мы найдем и настоящее имя для тюрем, острогов, войск с общей воинской повинностью, прокуроров, жандармов» (1936, т. 26, с. 566); см. также (Бирюков, 2000, с. 62-63).

Аллегория «царства Тараса-брюхана» в «Сказке об Иване-дураке...», как интерпретировал ее П. И. Бирюков, олицетворяла «прообраз идущего <...> капиталистического строя» (2000, с. 35). Н. Н. Гусев и Н. Н. Арденс считали, что тема наживы и эксплуатации людей на примере образа Тараса являлась «остроумной карикатурой на систему косвенных налогов» (Гусев, 1970, с. 464) и толковалась Толстым как укрепление в истории «союза золота и насилия» (Арденс, 1962, с. 415). Иными словами о том же писала Э. Е. Зайденшнур. По мысли исследовательницы, в изображении жизни старших братьев «в сказочной форме Толстой обнажил те способы порабощения народа, те, как он называл их, “орудия нового рабства”, т. е. “насилие солдатства” и “взыскание денег”, которым посвящена большая часть трактата “Так что же нам делать?”» (Зайденшнур, 1963, с. 125-126).

Действительно, денежный вопрос «Сказки об Иване-дураке...» отразил историософскую идею Толстого о «порабощении сильным слабого» посредством денег, развитую в трактате «Так что же нам делать?» (гл. XV-XXI): «Мужики знают давно, что рублем можно бить больше, чем дубьем» (1937, т. 25, с. 266). В научной литературе о Толстом остаются нерешенными две стороны этого вопроса: становление этой идеи в рукописях сказки и историко-литературное обоснование связи творческих историй художественных текстов и публицистики. О формировании аллегории «царства Тараса-брюхана» в ранних рукописях сказки (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 1, 2, 7) мы писали ранее (Сизова, 2023, с. 416, 418, 420). На данном этапе проследим особенности разработки автором денежной темы в последующих рукописях произведения и уточним ее литературные источники.

Особо отметим, что именно в последующих рукописях сказки (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, 4, 5) за образом «Тараса-царя» закрепилась характеристика «брюхан». Эта художественная деталь выражает оценку Толстого взаимоотношений крестьян и владельцев «богатства», не только дельцов рыночного капитала, но и частных собственников земли, что очень характерно для экономических и общественных воззрений Толстого. Метафора-символ «брюхан» автобиографична. В «Записках христианина» (1881, 1883) Толстой на собственном примере противопоставил трудовую крестьянскую жизнь исключительным привилегиям дворян, описал себя как барина, который ездит на «гладкой» и «сытой» лошади и отрастил себе «толстое брюхо». Писатель не только поставил социальную проблему, но и опозитивировал высокую нравственность народных образов:

«Мужики везли на мое гумно скошенное, высушенное и собранное ими сено. И им не только не казалось странно отвезти ко мне и уложить хорошо мне в стога половину того сена, к<оторое> вырастил Бог и за которым они с своими бабами и с недоедающими детьми от зари до зари потели дней 15; но они даже с особенной радостью везли это сено, зная, что после этого им можно будет свезти и свое. И, судя по выражению их лиц и по тому, как они здоровались со мной, видно было, что им нисколько не противно смотреть на мою гладкую, сытую лошадь и на мое толстое брюхо, но что они даже с удовольствием встречают меня» (Толстой, 1952, т. 49, с. 15-16).

Во второй половине октября 1885 г., исправляя копию «Сказки об Иване-дураке...» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3), автор усилил критику порабощения народа деньгами и избыточности денег в обществе. Появились новые детали в двух описаниях «царства Тараса-брюхана». Первое изображает, как Тарас взимает налоги; второе рассказывает о том, как деньги негативно влияют на народ после происков купца-«агличанина». В поле зрения Толстого как художника и публициста находим одно из главных, по его мысли, социальных «зол» крестьян: *недоимки* – задолженность по налогам или выкупным платежам и *подати* – денежные налоги, которые платили крестьяне как податное сословие.

Более развернутым, чем раньше, стало сатирическое обличение налогов: «Взыскивал подати и с дымом, [и с бабьего стану, и с веретена], и с окон, и с лошади, и с собаки, и с свиньи, и с куриц, и [с утят] с гусей, и с шуб» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 4 об.). Толстой в деталях знал проблему, которую изобличал в сказке. 26 мая 1881 г. он раскрыл в своем дневнике подробности взыскания властями недоимок у крестьян: «Продают нынче

скотину за 57 р. недоимки» (Толстой, 1952, т. 49, с. 15). 6 июня 1884 г. к Толстому обратилась просительница, которой была оказана помощь (заметка писателя на отдельном листе): «Акулина из Колпенки. На подати за заложенн<ый> посев 3-6 р.» (1952, т. 49, с. 157).

В трактате «Так что же нам делать?» (гл. XXI) Толстой подчеркнул опасность для общества «денежного» «податного насилия». По убеждению писателя, «самое сильное и главное в настоящее время» «насилие» «получило самое удивительное оправдание: лишение людей их имущества, свободы, всего их блага делается во имя свободы, общего блага. В сущности же оно не что иное, как то же рабство, только безличное». И далее: «Где будет насилие, возведенное в закон, там будет и рабство» (Толстой, 1937, т. 25, с. 289).

«Оборотившись» «агличанином», «старый дьявол» научил народ в «царстве» Тараса «деньги добывать», «чтобы подати очищать»: «...на деньги всякую вещь и работу продавать. И завелось у народа денег так много, что все недоимки выплатили и в срок все подати платить стали» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 7). Как видим, Толстой в этой копии не без иронии отсылает к проблеме «дурашных», «не трудовых» денег «владельцев кошелька с неразменным рублем» из трактата «Так что же нам делать?».

Ниже, в описании падения «царства» Тараса, вновь проведена параллель с трактатом. Автор обратил внимание на преувеличенное значение денег в экономическом устройстве общества, поправив эпизод о том, как купец – «старый черт» в проведении всех работ и в стоимости товаров «перебивал» цену «Тараса-царя», что привело к его разорению: «Слышит Тарас, что весь камень, лес к агличанину везут и рабочий народ к нему валит. Сказывают, больше денег дает. Прибавил Тарас цену, а агличанин еще накинул цены, перебил царскую цену» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 7 – 7 об.).

И в последующей копии (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4), правка которой тоже проходила во второй половине октября 1885 г., критику налоговой системы писатель связал с темой денег. К описанию того, как обогащался «Тарас-царь», было добавлено, что он взыскивал налоги «и с души, и с водки, и с пива» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 18). Идея о «покорении сильным слабым» посредством денежных знаков развита во вписанной фразе: «Деньги народу нужны, а деньги все у него» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 18 об.). Но дальше была внесена этическая оценка происходящего – важное объяснение безнравственных, по мысли автора, порядков Тараса: люди выкупали у Тараса деньги «всякой работой», скотом и продуктами; в свою очередь, деньги уже «покупали» не только «всякую вещь», но и «всякого человека» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 18 об.).

Размышляя в трактате «Так что же нам делать?» о «дурашных», «не трудовых» деньгах (гл. XV), о «пользовании чужим трудом» «нерабочими людьми», «владельцами кошелька с неразменным рублем» (гл. XVI), Толстой считал недопустимым «положение, при котором человек не только освобождается совершенно от закона труда для поддержания жизни, но и получает возможность пользоваться без труда всеми благами жизни» (1937, т. 25, с. 244). Писатель критиковал политические и экономические науки, которые иезуитски обосновывают правомерность данного «положения». Поднимая вопросы о том, «что же такое деньги» (гл. XVII), «откуда берутся деньги» (гл. XVIII), он приходил к выводу о том, что все юридические науки занимаются «апологией насилия» (гл. XIX-XXI), поддерживают «насилие сильного и вооруженного над слабым и безоружным» (Толстой, 1937, т. 25, с. 247, 255, 266, 289). Решение экономического вопроса (гл. XXII-XXIII) Толстой видел в «служении благу других людей», в том, чтобы «как можно меньше пользоваться работой других и как можно больше самому работать» (1937, т. 25, с. 292, 295), в предстоящем освобождении «праздных людей» от «греха пользования чужим трудом» (см. письмо Толстого (1955, т. 67, с. 159) к Т. М. Бондареву от 23 июня 1894 г.). Писатель настаивал на праве каждого человека пользоваться землей и обдумывал реформу налогов.

Расхождение Толстого с идеологией правящих «элит», суть которой, по его мнению, составили культ наживы и частной собственности, отказ от принципов нравственности и гуманизма, нарушение законов и прав других, связывает художественный мир и личностные позиции Толстого, Томаса Мора (1478-1535) и Вольтера. Мы писали об этом подробнее ранее (Сизова, 2024, с. 342-343). В данном контексте социальная утопия Т. Мора «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1511-1516) и философская повесть Вольтера «Микромегас» являются литературными источниками трактата «Так что же нам делать?» и «Сказки об Иване-дураке...» (аллегория о «царстве Тараса-брюхана»).

В то же время толстовский идеал о бескорыстном служении людям, противостоящий идеологии «Тараса-брюхана», близок теории американского экономиста Генри Джорджа (1839-1897) о национализации земли и едином налоге. В научной литературе не раз отмечалось влияние экономических идей Г. Джорджа на Толстого. Исследователи писали, что Толстой пропагандировал идеи Г. Джорджа в своих предисловиях к переводам его статей (Гудзий, 1936, с. 698-699; Заславский, 1939, с. 290-298), рассматривали, как писатель изобразил Г. Джорджа в романе «Воскресение» (Заславский, 1939, с. 295; Алексеева, 2010, с. 131-134). Справедливо отмечалось, что Толстой не сразу принял позицию Г. Джорджа о едином налоге на землю (Алексеева, 2010, с. 128). Своей задачей видим выявление гуманистических принципов, объединяющих политэкономия Г. Джорджа и художественный мир Толстого на примере «Сказки об Иване-дураке...».

В феврале 1885 г. Толстой с увлечением читал книги Г. Джорджа «Прогресс и бедность» (1879) и «Общественные задачи» (1884), что повлияло на его работу над трактатом «Так что же нам делать?» (Гудзий, 1937, с. 749) и, по нашему наблюдению, над «Сказкой об Иване-дураке...». В письме к жене от 22 февраля Толстой связал по значимости отмену крепостного права в России в 1861 г. и «важный шаг на пути общей жизни», идею Г. Джорджа об «освобождении от частной собственности земли» (1938, т. 83, с. 480). 24 февраля писатель общал В. Г. Черткову о том, что он был «поглощен» идеями Г. Джорджа. Книга «Прогресс и бедность» произвела на него «очень сильное и радостное впечатление»: в отличие от «паутины научной» первых позитивистов

О. Конта, Д. Милля и Г. Спенсера она «прямо призывает людей к нравственному сознанию и к делу и определяет даже дело» (Толстой, 1935, т. 85, с. 144). 31 марта 1885 г. Толстой признался критику Н. Н. Страхову в том, что «американец» ему «понравился» (1934, т. 63, с. 221).

В трактате «Так что же нам делать?» идеи Г. Джорджа осмысляются в гл. XXI; здесь писатель размышляет о том, каким должно быть справедливое «распределение богатств» в обществе, и критикует «уход» «всех средств» к «насильникам». Наследие Г. Джорджа освоено далее в русле гуманистического решения историософской проблемы рабства, когда простой человек находится в собственности у привилегированных классов и государства. Для концепции Толстого наиболее важны три исторические «вехи» – 1) рабство в США, 2) крепостное право в России, 3) отсутствие у народа реального права владения землей после реформы 1861 г.

Толстой находит путь преодоления форм «личного насилия» крестьянского и мещанского сословий государством («властью» и «войском»): 1) «солдатства», 2) «дани за землю» в результате «отобрания земли у трудящихся над нею», 3) «дани» «прямыми и косвенными налогами». Эти формы «порабощения сильным слабого» в «Сказке об Иване-дураке...» воплощены в аллегориях «царств» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана». По мнению писателя, «переворот» в нравственной системе общества повлечет за собой экономические преобразования, приведет к перераспределению «богатств» во «благо» «трудящихся» (Толстой, 1937, т. 25, с. 290).

Как и Толстой, Г. Джордж исследовал причины одновременного «роста» «бедности» и «богатства» при развитии обществ. В книге «Прогресс и бедность» «союз бедности с прогрессом» назван «великой загадкой нашего времени» (Джордж, 1992, с. 7). Несомненно переключка с толстовским гуманизмом такого умозаключения Г. Джорджа: «До тех пор, пока весь рост богатства, который вызывается материальным прогрессом, будет уходить лишь на образование огромных состояний, на увеличение роскоши и на усиление контраста между Домом Изобилия и Домом Нужды, до тех пор прогресс не может считаться действительным и прочным» (1992, с. 8). Г. Джордж предлагает «истинное средство» «убавления» «нужды» («Мы должны сделать землю общей собственностью» (1992, с. 231)) и отрицает право на любую частную собственность: «Не существует никакого другого права, из которого могло быть выведено право на исключительное владение предметов, кроме права человека на самого себя» (1992, с. 234); «Право собственности, вытекающее из труда, исключает возможность всякого другого права собственности» (1992, с. 235).

Предвосхищая Толстого, Г. Джордж констатировал наличие в обществах явлений, не отличимых от рабства или сходных с ним, для которых характерно ограничение или отсутствие гражданских прав у малоимущих сословий. Так, «порабощение рабочих», по убеждению экономиста, являлось «конечным результатом частной собственности на землю» (Джордж, 1992, с. 242). «Положение масс во всех цивилизованных странах превращается или стремится превратиться в положение рабства, скрытого под формами свободы. И, вероятно, из всех родов рабства этот род есть самый жестокий и безжалостный. Ибо у рабочего отнимают произведения его труда и принуждают его трудиться из-за голого животного существования» (Джордж, 1992, с. 246). Г. Джордж призвал «устранить» «нужду» и «страх нужды» у человека труда, «дать всем классам общества досуг, благосостояние и независимость, приличную и приглядную жизнь в обстановке, благоприятствующей умственному и нравственному развитию» (1992, с. 326). Предложены и способы («меры») проведения необходимых реформ: «налог на земельные ценности» или «единственный налог на ренту» (Джордж, 1992, с. 282, 299).

В книге «Общественные задачи» обосновано «политическое» «решение» проблемы рабства человека труда. Разрабатывая близкие Толстому идеи ненасилия и просвещения, Г. Джордж подчеркивал, что общественные реформы не могут быть достигнуты «шумом и криками», «образованием партий или устройством революций» (1907, с. 274). Главным в «улучшении» «общественных условий» публицист считал «пробуждение мысли», «поступательное движение в мире идей», «дело воспитания народа», «дело распространения идей» (Джордж, 1907, с. 274). По его мысли, «масса задавлена работой, очерствела в борьбе из-за животного существования и не может относиться вдумчиво к условиям общественной жизни» (Джордж, 1907, с. 275).

Г. Джордж рассуждал о «важной обязанности» «людей, имеющих досуг и средства» (1907, с. 275), «одухотворенных благородной идеей», о всеобщем нравственном развитии (1907, с. 276). «Для достижения скольких-нибудь значительных общественных улучшений, – писал он, – всегда следует обращаться скорее к чувству симпатии людей, чем к их осознанию собственного интереса» (Джордж, 1907, с. 276). С другой стороны, человек «может достигнуть более или менее прочного счастья, лишь добиваясь счастья для других людей» (Джордж, 1907, с. 277). Г. Джордж провозгласил «равноправие» для людей, «которые остаются на самом низу общественной лестницы» и «на стороне которых нет преимуществ, даваемых собственностью, искусством или образованием» (1907, с. 277).

Художественные идеи трактата «Так что же нам делать?» и «Сказки об Иване-дураке...» свидетельствуют о том, что Толстой с энтузиазмом разделял гуманистические идеи политэкономии Г. Джорджа. В письме к философу из крестьян Т. М. Бондареву от 23 июня 1894 г. писатель подчеркивал: «Генри Джордж составил проект об освобождении земли от ее похитителей, или, скорее, освобождение рабочих от рабства вследствие завладения землей теми, к которым ее не работают» (Толстой, 1955, т. 67, с. 158).

По мысли Толстого, «выгода» предложенного Г. Джорджем «устройства» состоит в том, «что не будет людей, лишенных возможности пользоваться землей <...> не будет праздных людей, владеющих землей и заставляющих работать на себя за право пользования землей <...> не будет больше надсмотрщиков и сборщиков податей <...> а будут только собиратели налога за землю, которую украсть нельзя и с которой собирать подать легче всего» (1955, т. 67, с. 159). «Народ, имея возможность работать на земле, перестанет закабалиться в работники на заводы, фабрики, и в прислугу в городах и разойдется по деревням» (Толстой, 1955, т. 67, с. 159).

В результате «уничтожится одна из причин разделения людей»: «...избавятся люди неработающие от греха пользования чужим трудом <...> и <от> еще большего греха всякой лжи и изворотов для оправдания себя в этом грехе и <...> избавятся люди работающие от соблазна и греха зависти, осуждения и озлобления против неработающих людей» (Толстой, 1955, т. 67, с. 159).

В 1900-х гг., составляя «предисловие» к «Общественным задачам», Толстой назвал эту книгу «лучшей» из наследия Г. Джорджа «по искреннему и глубокому чувству любви к истине, добру и людям» (Цит. по: Джордж, 1907, с. VIII). Тогда же сложилось понимание процесса «переведения всех налогов на ренту». Писатель охарактеризовал это решение экономиста «сообразованием самых важных общественных мероприятий с естественными законами» (Цит. по: Джордж, 1907, с. VI). «Мысль о том, что ценность земли (рента) должна быть употребляема на пользу всего общества, так же естественна для общества, как естественно для людей ходить на ногах, а не на руках» (Цит. по: Джордж, 1907, с. VI). «Изменение в системе налогов», предложенное Г. Джорджем, Толстой рассматривал как «величайший переворот» в общественных отношениях людей (Цит. по: Джордж, 1907, с. III) и сожалел о том, что уже 30 лет «ясное, всестороннее и основательнейшее изложение этой великой мысли» «совершенно неизвестно» «огромному большинству людей» (Цит. по: Джордж, 1907, с. IV).

Заключение

Таким образом, мы пришли к заключению о том, что смысловые аллегории «царств» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана» в «Сказке об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886) в символической форме раскрывают понимание писателем в 1880-1900-х гг. проблемы насилия в русской и мировой истории, причин его возникновения и его общественных форм. На том этапе Толстой-гуманист категорически заявлял о неприемлемости существования насилия и предлагал решение этой проблемы путем изменения нравственного сознания и культурных ориентиров, предостерегал от революционной смены социально-экономических укладов в исторической перспективе.

В ходе исследования нами были выделены узловые константы идеи Толстого о ненасилии. В военном контексте («царство Семена-воина») они выразились в осуждении писателем таких явлений, как: 1) войны, 2) рекрутство и воинская повинность, 3) жестокость правителей. В экономическом ракурсе («царство Тараса-брюхана») их представили формы порабощения малоимущих сословий государством и капиталом: 1) товарно-денежные отношения, 2) налоговые системы, 3) виды частной собственности. Были также классифицированы основные гуманистические принципы политэкономии Г. Джорджа (1839-1897) и публицистики Толстого: 1) критика рабства в экономических формациях Нового времени, 2) ценность гражданских прав человека труда.

Мы констатируем: становление аллегории о «царстве Семена-воина» в последующих рукописях «Сказки об Иване-дураке...» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3-5) поэтапно принимало символическое значение. Сначала формировались признаки, соотносимые с категориями художественного образа, затем – отдельные мотивы и детали приобретали аспекты своей знаковости, происходило слияние смысла с образом. Так, для доработки военной темы сказки в оп. 3 характерен акцент на образной системе и сюжетных линиях (изображение боевых действий в «царствах» «Семена-воина» и его врагов-«царей», описание испытания «Ивана-дурака» солдатами и военной службы дураков у «воеводы»). В оп. 4 повествование укрупняет и обогащает сочетание реального и фантастического миров, этическая оценка своих действий солдатами; наконец, полемическая обрисовка рекрутских наборов и «воеводы» в оп. 5 становится близка жанру публицистического отклика (динамика фразеологизма «забрить»).

Смысловое сцепление художественного образа и знака, как показал наш опыт, сразу произошло в развитии денежной темы (аллегория о «царстве Тараса-брюхана») в последующих рукописях «Сказки об Иване-дураке...» (ОР ГМТ, ф. 1, оп. 3-5). Именно здесь в характеристике Тараса закрепилась многозначная художественная деталь «брюхан»; ее свойство автобиографичности восходит к «Запискам христианина» (1881, 1883). Сатирическая тональность этого символа сказалась в 1882 г. и в 1884 г. на обдумывании идеи «порабощения сильным слабым» посредством денег на раннем этапе работы над трактатом «Так что же нам делать?»; чуть позже, в 1885-1886 гг., – на доработке того же трактата и «Сказки об Иване-дураке...». Критика налогов и денег, неразрывная в художественной целостности сказки, складывалась по схеме: конкретный образ → его философская интерпретация. Первоначально в оп. 3 Толстой поправил изображение налогов, которые взимал с населения Тарас (эскизы о недоимках и податях), ввел мотив «дурашных» денег у мужиков. В последующей копии (оп. 4) появилась этическая оценка проблемы; была описана безнравственная, по мысли автора, ситуация, когда деньги «покупают» не только вещи, но и человека.

По нашему убеждению, опираясь на текстологический анализ становления в рукописях моделей общественных форм – «царств» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана», можно говорить об объединении качественных признаков *символа* и *аллегории* в художественном мире Толстого: их нерасчленимость приобретала вид рассудочных формул, которые писатель вкладывал в свои образы.

Аллегория о «царстве Семена-воина», как мы полагаем, оформлялась в мировоззренческой системе Толстого в последовательности от частного к общему, от конкретной эпохи и знаковой личности (Николай I) к более широкому историческим обобщениям. Идея ненасилия развивалась поступательно: краткие заметки в дневнике 1881 г. о трагизме солдатской службы получили развернутое обоснование в религиозно-философском и публицистическом трактатах «В чем моя вера?» (1882-1884), «Так что же нам делать?» (1882, 1884-1886). В этих сочинениях была целостно поставлена проблема насилия: осуждалась военная служба,

человеческая жизнь постулировалась как высшая ценность семьи и общества, критиковались лицемерие и корысть представителей власти. Символическую многозначность и смысловую глубину эта проблема получила в художественной реальности «Сказки об Иване-дураке...» (1885-1886). Военные темы и образы, батальные сцены публицистики и литературной сказки достигли кульминационного подъема в философских обобщениях незавершенной статьи «Николай Палкин» (1886-1888) с ретроспективой правителей в русской истории и ключевым тезисом о несовместимости их жестокости с идеалом христианских добродетелей. Как показало письмо критика Н. Н. Страхова к Толстому от 26 октября 1885 г., идеологическое противостояние писателя военной политике государств и правящих «элит», его призыв к преодолению насилия близки пацифистским убеждениям Мари Франсуа Аруэ Вольтера (1694-1778) в повести «Микромегас» (1752), также осмысленным в статье «Одумайтесь!» (1904).

Мы пришли к выводу о том, что аллегория о «царстве Тараса-брюхана» как художественная иллюстрация отразила социально-философские представления Толстого об экономических формах порабощения государством и капиталом малоимущих сословий (товарно-денежные отношения, налоговые сборы, виды частной собственности). Экономическая тема сказки дополнила части трактата «Так что же нам делать?» о деньгах (гл. XV-XXI). Единственное решение этой проблемы (гл. XXII-XXIII) Толстой находил в изменении нравственной модели общества. Способ преодоления социального «зла», предложенный писателем, утопичен; в нем три опорных пункта: 1) «закон труда» для поддержания жизни, необходимый всем сословиям; 2) отказ от использования «чужого труда» и культа наживы «досужими» людьми, властью и капиталом; 3) равноправие всех общественных групп. Литературными источниками этой ветви социальной этики Толстого явились сочинения его знаменитых предшественников-гуманистов Т. Мора (1478-1535) и Вольтера: «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1511-1516) и повесть «Микромегас» (см. письмо критика Н. Н. Страхова к Толстому от 26 октября 1885 г.).

Как выяснилось, расхождение Толстого с политикой правящих «элит», его идеал бескорыстного служения людям в проблематике трактата «Так что же нам делать?» и «Сказки об Иване-дураке...» пересекаются с теорией североамериканского экономиста Г. Джорджа (1839-1897) о частной собственности и едином налоге на землю. Считаем, что в книге «Прогресс и бедность» (1879) взглядам Толстого тождественны такие позиции в концепции экономиста: 1) обнаружение синхронности в росте богатства и бедности в развитых обществах; 2) констатация имущественного разрыва между классами, контраста между «Домом Изобилия» и «Домом Нужды»; 3) отрицание любой собственности и права «исключительного» владения предметом; 4) ценность «права человека на самого себя»; 5) восприятие бесправия рабочих как новой ступени в институте рабства; 6) призыв к переустройству общества: устранение нужды, образование (грамотность) малоимущих, их приобщение к искусству и культуре; 7) признание налога на землю или ренты двигателем реформ.

Отношение Толстого к книге «Общественные задачи» (1884), по нашему мнению, более пространно проявило единство гуманистических целей писателя и экономиста в идеологии ненасилия и просвещения. В данном контексте сосуществуют их политико-экономические рассуждения против революционных поворотов в истории, о подчинении развития человечества «правильным» «идеям», схожи их призывы к воспитанию народа и служению людям, ко всеобщему равноправию. Общим также находим тезис о «единении» сословий в результате налоговых реформ, преодолевших причины их «разделения»: бесправие народа в пользовании землей, праздность владельцев капитала и земли, дешевый наемный труд в городе на фабриках, заводах, в прислугах (письмо Толстого к Т. М. Бондареву от 23 июня 1894 г., его «предисловие» к «Общественным задачам»).

Главные принципы гуманизма Г. Джорджа и Толстого – забота о благе простого человека и уважение ко всем людям, сострадание; высшие ценности – жизнь, свобода и счастье каждого; при этом благо простого человека служит основным критерием оценки любых действий и законов общества.

В качестве перспектив дальнейшего изучения историко-литературного контекста, текстологии, проблематики и поэтики «Сказки об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого можно назвать выявление генезиса смысловых аллегорий о «царстве Ивана-дурака...» (авторский идеал государственного устройства) и о теории «разделения труда» (эпизод «Господин чистый на каланче»).

Источники | References

1. Абдусаламова А. З. Сравнительные конструкции в русских и аварских фольклорных текстах: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2016.
2. Алексеева Г. В. Генри Джордж // Алексеева Г. В. Американские диалоги Льва Толстого. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2010.
3. Арденс Н. Н. Творческий путь Л. Н. Толстого. М.: Издательство академии наук СССР, 1962.
4. Асмус В. Мирозозрение и эстетика Л. Н. Толстого // Асмус В. Вопросы теории и истории эстетики. Сборник статей. М.: Искусство, 1968.
5. Бирюков П. Биография Л. Н. Толстого: в 2 кн. М.: Алгоритм, 2000. Кн. 2.
6. Горелов А. А. Политология: учебник. М.: Кнорус, 2017.
7. Гудзий Н. К. «Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа “Общественные задачи”». Комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1936. Т. 36.

8. Гудзий Н. К. «Так что же нам делать?» История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25.
9. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: Наука, 1970.
10. Гусейнов А. А. Этика и культура: статьи, заметки, выступления, интервью. СПб.: СПбГУП, 2020.
11. Зайденшнур Э. Е. Толстой и русское народное творчество // Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль / под ред. Г. Я. Галаган и Н. И. Пруцкова. Л.: Наука, 1979.
12. Зайденшнур Э. Сказка Л. Н. Толстого об Иване-дураке и трактат «Так что же нам делать?» // Л. Н. Толстой. Статьи и материалы / ред. Г. В. Краснов. Горький, 1963.
13. Заславский Д. Толстой и Генри Джордж // Л. Н. Толстой: в 2 кн. М.: АН СССР, 1939. Кн. 2.
14. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Методы изучения литературы. Системный подход: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002.
15. Костанян Н. Н. Очерки Л. Н. Толстого о законе насилия и о законе любви. М.: Буки-Веди, 2020.
16. Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. Изд-е 2-е. М.: Наука, 2006.
17. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Проза Л. Н. Толстого в литературном контексте 1870-1890-х гг.: дисс. ... д. филол. н. М., 2002.
18. Полнова К. К. Народные рассказы в творчестве Л. Н. Толстого // Наследие Л. Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки: сборник материалов XXXVI международных Толстовских чтений, посвященных 190-летию со дня рождения Л. Н. Толстого / отв. ред. Д. А. Романов, Н. А. Красовская. Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2018.
19. Сат Н. Д. Особенности жанровой поэтики «народных рассказов» Л. Н. Толстого: автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2007.
20. Сизова И. И. «Сказка об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886): проблема редакций // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 4.
21. Сизова И. И. Трансформация литературных и фольклорных жанровых структур в «Сказке об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. Вып. 2.
22. Срезневский В. И. «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25.
23. Шустов М. П. Сказочная традиция в русской литературе XIX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. Новгород, 2003.
24. Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989.
25. Этика: хрестоматия / авт.-сост. Ю. Л. Сироткин. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006.

Информация об авторах | Author information

Сизова Ирина Игоревна¹, к. филол. н.

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Irina Igorevna Sizova¹, PhD

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ u_sizova@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.10.2024; опубликовано online (published online): 25.11.2024.

Ключевые слова (keywords): историко-литературный генезис «Сказки об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (военная и экономическая темы); история текста аллегорий о «царствах» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана»; идея о ненасилии в религиозно-философских и публицистических сочинениях Л. Н. Толстого; формы порабощения государством и капиталом малоимущих сословий в трактате «Так что же нам делать?»; гуманистические принципы политэкономии Г. Джорджа («Прогресс и бедность», «Общественные задачи»); historical-literary genesis of Leo Tolstoy's "The Tale of Ivan the Fool..." (military and economic themes); textual history of the allegories about the "kingdoms" of "Semen the Warrior" and "Taras the Stout"; idea of non-violence in Tolstoy's religious-philosophical and journalistic writings; forms of enslavement of the poor by the state and capital in the treatise "What Is to Be Done?"; humanistic principles of Henry George's political economy ("Progress and Poverty", "Social Problems").